

© 2000 г.

М.И. РОСТОВЦЕВ. СИРИЯ И ВОСТОК

(Русский вариант главы для «Кембриджской древней истории»*)

Данная публикация имеет своей целью познакомить читателей с русским оригиналом начальной части пятой главы седьмого тома «Кембриджской древней истории», написанной выдающимся русским историком М.И. Ростовцевым (и переведенной на английский язык Э. Миннзом)¹. Она является естественным продолжением публикации Ю.Н. Литвиненко, издавшего русский оригинал начальной части другой ростовцевской главы того же самого тома – главы, посвященной птолемеевскому Египту².

В силу этого авторам нет необходимости касаться целого ряда вопросов, которые уже были освещены Ю.Н. Литвиненко, таких как необходимость издания оригинального текста, обстоятельства обнаружения его в архивах и др.³ Наш комментарий будет касаться только некоторых вопросов более общего характера – относительно места данной работы в научной биографии Ростовцева, своеобразия его концепции истории Селевкидского государства и вообще эллинистического Востока, наконец, судьбы высказанных им идей в историографии более позднего времени.

Наверное, нет оснований сомневаться в том, что вершиной научного творчества Ростовцева является его трехтомная «Социальная и экономическая история эллинистического мира», вышедшая в свет в 1941 г.⁴ Для нас, естественно, очень интересно проследить, каким образом историк постепенно вырабатывал те концепции, которые затем с такой силой прозвучали в его монументальном труде. Совершенно определено, что эти две главы («Птолемеевский Египет» и «Сирия и Восток») должны рассматриваться как важный этап на пути создания трехтомника. Во всяком случае эта взаимосвязь устанавливается на основании не только логических умозаключений, но и свидетельств, принадлежащих самому Ростовцеву: в письме А.А. Васильеву от 1 декабря 1925 г. он прямо связывает эти свои работы⁵.

Необходимо указать, что если птолемеевским (и римским) Египтом Ростовцев специально занимался много лет, то история Селевкидов не входила в рассматриваемое время в сферу его непосредственных интересов⁶, хотя, конечно, он интересовался ею, о чем, в

* Публикация выполнена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 98-01-00066 «Академик М.И. Ростовцев и эллинистическо-римский Восток (новые архивные материалы)».

¹ Авторы считают своим приятным долгом принести сердечную благодарность академику Г.М. Бонгард-Левину, который предоставил в наше распоряжение копию текста данной главы, хранящегося в архиве Йельского университета (Mikhail I. Rostovtzeff Papers, Manuscripts and Archives, Yale University Library. 1133. Series I. Box 16. Folder 168).

² Ростовцев М.И. Птолемеевский Египет // ВДИ. 1999. № 4. С. 189–196; см. также Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет Ростовцева (К публикации русского оригинала главы М.И. Ростовцева для «Кембриджской древней истории») // Там же. С. 180–188.

³ Литвиненко. Ук. соч. С. 180 слл.

⁴ Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. V. I–III. Oxf., 1941.

⁵ Бонгард-Левин Г.М., Тункина И.В. М.И. Ростовцев и А.А. Васильев: шесть десятилетий дружбы и творческого сотрудничества / Скифский роман. М., 1997. С. 265 («Мечтаю, что скоро смогу приступить к написанию книги по социальной и экономической истории эллинизма. Эта тема меня очень занимает. Пока же что, после книги о зверином стиле надо написать две статьи для Cambridge Ancient History»). Судя по дате, Ростовцев имеет в виду именно эти две главы для седьмого тома.

⁶ Для периода, предшествующего написанию главы о Селевкидах, можно отметить очень небольшое количество работ Ростовцева, связанных с данной проблематикой: Эллинизм // Энциклопедический словарь

частности, говорит его рецензия на книгу А. Буше-Леклерка⁷. Только позднее, в связи с руководством раскопками в Дура-Европос, Ростовцев начинает активно и специально заниматься эллинистическим Востоком, тем самым готовя и свою общую работу. Таким образом, данная глава может считаться важным этапом его научной биографии – началом его специальных штудий по селевкидской проблематике.

Очень важным представляется то обстоятельство, что глава была опубликована в составе одного из томов «Кембриджской древней истории», издание которой можно считать одним из наиболее интересных и плодотворных международных проектов в области древней истории, осуществленных в первой половине XX в. В вышедших между 1924 и 1939 гг. двенадцати томах (и пяти томах иллюстраций) этого издания была представлена обобщающая картина истории древнего мира, отражающая основные достижения науки XIX – первой трети XX в. Значение этого коллективного труда весьма велико, на протяжении десятилетий он считался своего рода «эталоном», к нему в дальнейшем постоянно обращались не только студенты и преподаватели, но и академические исследователи, видя в нем своего рода итог исследований своих предшественников. Признанием значения этого издания можно считать и тот факт, что начиная с 1970 г. выходит второе издание «Кембриджской древней истории».

Важнейшая причина успеха «Кембриджской древней истории» – участие в ней крупнейших специалистов в различных областях древней истории. В их числе был и Ростовцев, в то время профессор Йельского университета. Он стал одним из авторов седьмого, восьмого, девятого и одиннадцатого томов издания. Кажется, ни один из ученых, которые участвовали в написании «Кембриджской древней истории», не был представлен четырьмя томами этого издания.

Седьмой том «Кембриджской древней истории» имеет заголовок «Эллинистические монархии и подъем Рима»⁸ и соответственно несколько своеобразную композицию. Первые девять глав посвящены истории эллинистического периода⁹, а в следующих девяти главах излагается история раннего Рима вплоть до начала контактов с греческим миром. Затем в двух главах описываются события греческой истории, тесно связанные с историей Рима (главы, посвященные Агафоклу и Пирру), после чего вновь наступает очередь Рима (в специальной главе идет рассказ о Первой пунической войне). Наконец, в заключительной части тома в двух главах, автором которых был У.У. Тарн («Борьба Египта против Сирии и Македонии» и «Греческие союзы и Македония»), излагается внешнеполитическая история эллинистического мира, после чего следуют главы, связанные с проблемами римской истории – вплоть до римского завоевания Иллирии.

Таким образом, место двух ростовцевских глав довольно своеобразно: они «обрамлены» двумя главами, написанными У.У. Тарном, в которых вначале рассматриваются проблемы истории диадохов вплоть до момента окончательного оформления новых государств (птолемеевского Египта, царства Селевкидов, Македонии), а затем – история политического и военного противостояния Птолемеев и Селевкидов. Ростовцеву, таким образом, нужно было дать картину политической, экономической, социальной, административной и этнической структуры Птолемеевского и Селевкидского царств, что было намного более сложной задачей, чем те, которые стояли перед У.У. Тарном.

Структура главы «Сирия и Восток» имеет следующий характер. Весь текст разделен на

Брокгауза–Ефрона. 1904. 80. С. 651–655; Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (по поводу книги: Bouché Leclercq. Histoire des Séleucides. P. 1913) // Научный исторический журнал. 1913. 1. С. 39–63; Notes on the Economic Policy of the Pergamene Kings // Anatolian Studies Presented to Sir W.M. Ramsay. 1923. P. 359–389; рец.: Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1922–1923). 1926 // The American Historical Review. 1927. 32. P. 836–841; см. также Зуев В.Ю. Материалы к библиографии М.И. Ростовцева // Скифский роман. С. 200 слл.

⁷ Находясь в Оксфорде в 1919 – первой половине 1920 г., Ростовцев прочитал цикл лекций на тему «Экономическая история эллинизма и Рима» и предлагал «Clarendon Press» на их основе издать книгу «Исследования в области экономической истории эллинистического и римского мира», в первом (эллинистическом) томе которой планировал уделить «львиную долю» Египту (см. Литвиненко. Ук. соч. С. 181. Прим. 11). Следовательно, Селевкидское царство оставалось у него в то время не на первом плане.

⁸ The Cambridge Ancient History. V. VII. The Hellenistic Monarchies and the Rise of Rome / Ed. S.A. Cook, F.E. Adcock, M.P. Charlesworth. Camb., 1928.

⁹ «Ведущие идеи нового периода» (У.С. Фергюсон), «Приход кельтов» (Ж.Д. де Наварро), «Новые эллинистические царства» (У.У. Тарн), «Птолемеевский Египет» (М.И. Ростовцев), «Сирия и Восток» (М.И. Ростовцев), «Македония и Греция» (У.У. Тарн), «Афины» (К.Ф. Ангюс), «Александрийская литература» (Э. Барбер), «Эллинистическая наука и математика» (группа авторов).

шесть параграфов: «Империя Селевкидов, ее характер и развитие», «Организация Селевкидской империи», «Империя: Малая Азия», «Империя: Сирия, Месопотамия и Вавилония», «Империя: Финикия и Палестина», «Результаты деятельности Селевкидов». Бросается в глаза определенный упор на описание судеб отдельных регионов – та особенность («регионализм»), на которую обратил внимание Ж. Андро в отношении к трехтомнику Ростовцева¹⁰. Однако в самом трехтомнике эта особенность не нашла своего столь яркого отражения с точки зрения организации материала, как в данной главе. Обращает на себя внимание также то обстоятельство, что среди региональных очерков отсутствуют разделы, посвященные двум важным областям Селевкидского государства: иранским и среднеазиатским сатрапиям. Причина этого не в невнимании автора к данным областям (в той или иной степени информация о них присутствует в главе), а в почти полном отсутствии источников по ним в то время. Уже в трехтомнике картина меняется, и восточные части Селевкидского царства занимают более важное место, хотя, конечно, степень их изученности в конце 30-х годов совершенно не сопоставима с той, что имеется сегодня¹¹.

Естественно, мы не можем комментировать все содержание главы. Отметим только несколько наиболее важных, с нашей точки зрения, проблем.

Прежде всего, все изложение материала строится на сопоставлении царств Селевкидов и Птолемеев, начиная с характеристики природных условий и наличия источников и кончая проблемами организации экономической и социальной жизни. Неизмеримо более обильный материал источников относительно истории египетского общества помогает автору понять многое в истории Селевкидов, особенно в истории институтов государства, опираясь на самоочевидную идею об общности их происхождения. Этот метод на тогдашнем этапе развития науки оказался очень действенным.

Для Ростовцева эллинизм *mutatis mutandis* представляет собой явление, основной характерной особенностью которого является контакт и взаимодействие греческой и восточной цивилизации¹². Тем самым историк оставался в русле дройзеновского понимания эллинизма, но, как справедливо отмечалось исследователями последующего времени, на неизмеримо более широкой базе, включающей прежде всего материальные аспекты бытия¹³. Кроме того, Ростовцев, что, с нашей точки зрения, более чем справедливо, понимал эти контакты не только как мирный процесс взаимопроникновения, но и как процесс борьбы.

Ростовцевское понимание эллинизма очень сильно отличалось от того, которое было характерным для европейской исторической науки конца XIX – начала XX в., ограничивавшей это понятие только рамками культуры и уделявшей основное внимание тому, что более поздние исследователи несколько иронично называли «воссянием» греческой культуры на Востоке. Восток представлялся как нечто аморфное, отсталое; он должен был с радостью воспринять «свет» новой культуры, пришедшей с Запада. Хотя после Ростовцева уничижительное отношение к Востоку постепенно исчезло, стремление ограничить эллинизм только сферой культуры сохранялось еще достаточно долго¹⁴.

Отношение к общей концепции эллинизма, созданной Ростовцевым, было весьма

---

¹⁰ *Andreau J. La dernière des grandes synthèses historiques de Michel Ivanovič Rostovtseff / Rostovtseff M.I. Histoire économique et sociale du monde hellénistique. P., 1989. P. VII.*

¹¹ Укажем для сравнения на то место, которое занимают восточные регионы в некоторых из недавних обобщающих работ. В книге Э. Вилля, посвященной политической истории эллинистического мира (*Will E. Histoire politique du monde hellénistique. V. 1–2. Nancy, 1979–1982*), в каждой из глав, в которых рассматривается история Селевкидов, обязательно присутствует раздел, посвященный этим регионам (т. 1 – с. 66–67, 262–290, 301–308; т. 2 – с. 51–68, 301–302, 348–352, 400–404, 407–415). В седьмом томе второго издания «Кембриджской древней истории», в главе, по традиции названной «Сирия и Восток» (*Musti D. Syria and the East // The Cambridge Ancient History. V. VII. Pt 1. The Hellenistic World / Ed. F.W. Walbank, A.E. Austin, M.W. Frederiksen, R.M. Ogilvie. Camb., 1984. P. 175–220*), иранскому и среднеазиатскому регионам отведен специальный параграф (с отдельным дополнением, посвященным датировке отпадения от Селевкидов Бактрии и Парфии), а все остальные регионы рассматриваются в более общей форме.

¹² Подробнее см. *Andreau. Op. cit. P. VIII.*

¹³ О принципиальном отличии именно с этой точки зрения концепции Ростовцева от построений его предшественников см. *Momigliano A. M.I. Rostovtzeff / A. Momigliano. Studies in Historiography. L., 1966. P. 91–104.*

¹⁴ Об этих проблемах подробнее см. *Кошленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 23–79.*

различным. Наиболее острой критике она подверглась со стороны марксистов. А.Б. Ранович пытался соединить представления о конкретной исторической ситуации с марксистской идеей общественно-исторической формации. Он рассматривал эллинизм как определенную закономерную стадию в развитии рабовладельческой формации¹⁵. Хотя эта концепция в отечественной науке была решительно отвергнута¹⁶, западные марксисты по-прежнему активно сражались со взглядами Ростовцева. Опираясь на идею об «азиатском способе производства», целый ряд исследователей стал рассматривать Селевкидское государство как типично азиатское, как прямого наследника царства Ахеменидов, в котором роль эллинского начала была сведена до совершенно незаметного уровня¹⁷. Позднее эта идея, оставив свою марксистскую колыбель, достаточно широко распространилась среди ученых различных школ и направлений¹⁸. Таким образом, идеи, высказанные Ростовцевым, продолжают оставаться актуальными и сегодня.

Ростовцев, указывая на процесс взаимодействия между греческими и восточными началами в структуре Селевкидского государства, подчеркивал его сложность. В частности, он отмечал его многоуровневый характер. Один из таких уровней – взаимодействие государственной машины, состоящей, в основном, из греков и македонян, и массы местного населения. Второй уровень – взаимодействие в рамках одного и того же политического организма (военной колонии, полиса) представителей различных этносов и различных культурных традиций. Данные идеи в рассматриваемой главе намечены автором конспективно, в более развернутом виде они представлены в его трехтомнике.

Соответственно под этим углом зрения Ростовцев рассматривал и целый ряд более конкретных вопросов. В частности им отмечается, хотя и не в подчеркнутой форме, противостояние Селевкидского государства и основной массы населения страны. Позднее эти идеи нашли свое более законченное (но, может быть, и более вульгаризированное выражение в концепции «колониальной» структуры эллинистического государства¹⁹. Исходя из идей Ростовцева, много было сделано для понимания характера и форм протеста местного населения против власти завоевателей²⁰; к сожалению, осталась мало разработанной концепция историка относительно Селевкидского государства и греческих полисов Востока как естественных союзников²¹. Чрезвычайно плодотворными оказались мысли Ростовцева относительно характера эллинистической государственности. Они были восприняты его учеником (по Петербургскому университету) Э. Бикерманом и нашли в нем блестящего защитника²².

Можно указать еще на целый ряд проблем и их решений, которые, появившись в краткой форме в соответствующей главе «Кембриджской древней истории», а затем – в развернутом виде в «Социальной и экономической истории эллинистического мира», оказали сильнейшее воздействие на последующие поколения исследователей (например, идея с принципиальной разнице колонизации Востока Александром Македонским и Селевкидами, особая роль религиозной политики селевкидской династии и т.д.).

Однако необходимо остановиться на двух проблемах и их решениях Ростовцевым, которые на протяжении длительного времени были объектом самой ожесточенной критики. Мы имеем в виду постоянные обвинения его в модернизме. Причиной этого являются, с одной стороны, его попытки сблизить в некоторых отношениях экономику эллинистических государств (и древней Греции) с капиталистической экономикой и, с

¹⁵ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.–Л., 1950.

¹⁶ См. ряд работ К.К. Зельина (прежде всего: *Зельин К.К. Основные черты эллинизма* // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156; *он же. Некоторые основные проблемы истории эллинизма* // СА. 1955. XXII. С. 99–108), выводы которого были приняты практически всеми отечественными исследователями.

¹⁷ *Kreissig H. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich*. В., 1978 (см. рецензию В.А. Гаибова и Г.А. Кошеленко на эту книгу: ВДИ. 1980. № 4. С. 190–197), а также многочисленные работы П. Бриана (первая из них, насколько нам известно: *Briant P. Remarques sur les «laoi» et esclaves ruraux en Asie Mineure hellénistique* // *Actes du Colloque 1971 sur l'esclavage*. P., 1972. P. 93–133).

¹⁸ Наиболее яркий пример: *Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire*. L., 1993.

¹⁹ *Бокцианин А.Г. Парфия и Рим*. Ч. 1. М., 1960.

²⁰ *Eddy S.K. The King is Dead. Studies in the Near Eastern Resistance to Hellenism*. 334–31 B.C. Lincoln, 1961.

²¹ См. *Кошеленко*. Ук. соч. С. 222–248.

²² *Bikerman E. Institutions des Séleucides*. P., 1938, но особенно *Бикерман Э. Государство Селевкидов* / Пер. Л.М. Глускиной. М., 1985. Данную работу необходимо рассматривать не как обычный перевод, а как расширенное и исправленное издание французского оригинала.

другой стороны, его определение земельных отношений в Малой Азии как феодальных. В данной главе эти идеи еще только намечены, в полную меру они развиты в его последней большой книге.

Первая из идей Ростовцева была объектом резкой критики со стороны очень многих авторов – от А.Б. Рановича до М. Финли. Причины этого заключаются в том, что Ростовцев был последним из великих «модернистов», и его концепции создавались накануне начинавшегося подъема и последовавшего за ним безусловного господства идей современных «примитивистов». Естественно, что для адептов нового направления именно он являлся наиболее желанной и удобной жертвой. В их критике было много справедливого. Однако, как это часто бывает, вместе с водой выбрасывался и ребенок. Современные «примитивисты» решительно исключали из экономической структуры античной эпохи все, что напоминало рыночные отношения. Сейчас, однако, ситуация начала меняться. Все более громко звучат голоса тех исследователей, которые указывают на достаточно большую сложность экономической жизни античного мира и большое значение в ней рынка²³. Возможно, пришла пора вновь внимательно рассмотреть взгляды Ростовцева на античную, и в частности эллинистическую, экономику. Вполне вероятно, что истинное существо его взглядов затемнено не совсем удачной терминологией. Если мы заменим термин «капитализм» термином «рыночные отношения», то вполне вероятно, что его схемы окажутся неизмеримо ближе к исторической реальности, чем взгляды «примитивистов».

Что касается проблемы феодализма в Малой Азии, надо признать, что на основании тех материалов источников, которые были в распоряжении исследователей в то время, вывод о феодализме представлялся вполне закономерным. Даже количество источников умножилось и в результате этого стало возможным делать более нюансированные выводы, вывод об определенном сходстве земельного держания крупного македонского функционера в Селевкидском государстве с феодальными отношениями в средневековой Европе по-прежнему остается привлекательным²⁴. Соответственно вполне резонным выглядит следующий вопрос: могут ли существовать сходные общественные институты в различных больших государственных структурах, разделенных, например, тысячами лет? Априорно можно предполагать наличие такого сходства. Итак, если посмотреть на данную проблему незашоренными глазами, то, может быть, ошибка Ростовцева не столь уж и велика.

В заключение мы можем сказать, что глава «Сирия и Восток» представляет собой первый набросок большого раздела, который был посвящен структуре Селевкидского царства в трехтомной «Социальной и экономической истории эллинистического мира». В главе уже в определенной степени присутствуют идеи, которые в завершенной форме предстанут перед читателем трехтомника. Что же касается самих идей, то они, бесспорно, сыграли стимулирующую роль в исследовании эллинистического Востока – даже те из них, которые не принимались следующим поколением ученых.

Публикуемые разделы главы сохраняют все особенности орфографии автора (за исключением тех, что соответствуют «старой орфографии», которой Ростовцев придерживался всю жизнь). В примечаниях указана современная литература по затрагиваемым в главе вопросам и проблемам.

Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибов

СИРИЯ И ВОСТОК

*1. Держава Селевкидов. Ее характер и развитие*²⁵

Когда в 281 г. Селевк I, давно уже царь своей Сирийской, Месопотамской и Иранской монархии, присоединил к ней и Малую Азию с ее греческими городами и греческим или эллинизованным населением ее западного побережья и, как казалось, прочно укрепился в

²³ Подробнее об этой проблеме см. *Маринович Л.П., Кошеленко Г.А. Древнегреческая экономика: столет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. IV. Ч. 1 (история). 1997. С. 82–96.*

²⁴ Из последней литературы см. *Willows R.A. Kings and Colonists. Leiden, 1995. P. 111–145.*

²⁵ Помимо процитированной выше новой литературы по истории Селевкидов см. также *Musti D. Lo stato dei Seleucidi: dinastia, popoli, città da Seleuco ad Antioco III // Studi Classici e Orientali. 1966. 15. P. 61–197.*

ней, перед ним, как и перед его предшественниками – персидскими царями и Александром Великим, Антигоном и Лисимахом, встал ряд проблем огромного значения и непреодолимой трудности²⁶. И эти проблемы унаследовали от него все его ближайшие преемники вплоть до Антиоха III Великого, неудача которого в борьбе с Римом совершенно изменила характер Селевкидской империи и, соответственным образом, основные линии политики Селевкидов²⁷.

Держава Селевка I и его ближайших преемников, как и держава его предшественников, была пестрым многонациональным и многокультурным образованием. Иранское плато с рядом иранских и доиранских племен, единое по национальности господствующей расы, но столь разное по укладу жизни отдельных племен и народов – степных кочевников, горных пастухов, земледельцев, садоводов и виноградарей (последнее с бывшими городскими, торговцами и административными центрами) составляло восточную треть империи, в эпоху персидских царей центр и основание их власти и господства над остальными частями державы. В одной части этой огромной области создалась особая, высокая культура, имперская по своему типу, культура персидских царей и персидской знати, в которой смешивались элементы старой шумерийской и эламской культуры с культурой вавилоно-ассирийской (с примесью хеттских и арамейских элементов) и с укладом жизни и религией иранских племен, носителей государственной власти. Как два крыла, примыкали к этой культурной области пышно развивавшаяся культурная область Инда и Ганга на юго-востоке, а на северо-западе – Армянское плато, долины и предгорья Кавказа с высокой хеттско-кавказской культурой, столь пышно расцветшей в т[ак] н[азываемом] Ванском царстве халдов.

Центр державы Селевкидов составляло многотысячелетнее царство Вавилонское и Ассирийское с его культурными аннексами: Сирией – страной арамейских торговых караванных городов, Финикией – страной больших коммерческих и промышленных приморских городских центров и Палестиной, прибрежная, филистимская, часть которой была продолжением Финикии, внутренняя же, еврейская, жила примитивной жизнью пастухов, земледельцев и садоводов под сенью Иеговы и его Иерусалимского храма. В этих аннексах причудливо смешивались старый уклад кочевой семитической жизни с высокой культурой Вавилона и Ассирии, Египта и Хеттской империи. Прочно и навсегда сложились основы жизни Вавилонии, их можно было разрушить, но изменить их было нельзя.

Всем новшествам доступны были подвижные торговые и промышленные города Сирии и Финикии с их пестрым населением. Устойчивость нового теократического уклада Палестины не была еще подвергнута серьезному испытанию. Если восточная треть империи может быть названа а priori иранской, то эта центральная ее часть была по преимуществу семитической. Звезда имперского Ассура закатилась, но его преемник Аурамазда и не пытался бороться с силой Бела, Мардука, Иеговы и многочисленных Баалов.

Третья, северо-западная, часть империи – анатолийская – была еще более пестра и ее культура и уклад жизни – еще более сложны. За поясом греческих приморских городов с их греко-восточной культурой и греко-восточными храмами, в долинах рек, на малоазийском плато, в горах Тавра и Анти-Тавра жили и старые элементы уже сложной и составной хеттской культуры, и новые причудливые культурные образования: фригийский Пессинунт, лидийские Сарды, карийский Галикарнасс, ликийский Термесс, киликийский Тарс и т.д., и т.д., сложная культура и религия которых нам так плохо еще известны²⁸.

Создание из этого комплекса племен, народов и географических областей, ничем одни с другими не связанных и, естественно, тянувших в разные стороны, было поистине нелегкой задачей. Особенно сложна была эта задача для новых властителей империи – эпигонов Александра. Персидские цари имели прочную опору в своих иранских подданных, которые были и остались господствующей нацией, несмотря на весь либерализм персидских царей.

²⁶ О Селевке I и его деятельности см. *Seyrig H. Séleucus I et la fondation de la monarchie syrienne // Syria*. 1970. 47. P. 290–311; *Mehl A. Seleukos Nikator und sein Reich. I. Seleukos' Leben und die Entwicklung seiner Machtposition*. Leuven, 1986; *Grainger J.D. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom*. L. – N. Y., 1990.

²⁷ Об Антиохе III см. *Schmitt H.H. Untersuchungen zur Geschichte Antiochos' des Grossen und seiner Zeit*. Wiesbaden, 1964.

²⁸ О судьбах населения Малой Азии в эллинистическое время имеется огромная литература. Приведем только несколько названий: *Debord P. Aspects sociaux et économiques de la vie religieuse dans l'Anatolie gréco-romaine*. Leiden, 1982; *Mastrocinque A. La Caria e la Ionia meridionale in epoca ellenistica 323–188 a.C.* Roma, 1979; *Robert L. Villes d'Asie Mineure*. P., 1956.

За Александром стоял его народ – македонцы, и на них опиралась его власть вплоть до его смерти. В какой мере его политика «слияния рас» была бы успешна, удалось ли бы ему создать прочную мировую империю с македоно-персидским войском и эллинской культурой, этот вопрос неразрешенный и неразрешимый. На время жизни Александра прочность его державы была обеспечена прежде всего его личным обаянием и его связью с Македонией.

Положение Селевка I и его преемников было куда труднее. После смерти Селевка было очевидно, что мечтать о воссоединении Селевкидской державы с Македонией бесполезно. Как возможность это воссоединение было открыто (все было возможно в причудливом мире эллинистической политической жизни), но строить на этой туманной возможности какую бы то ни было реальную политику было безумием. Надо было считаться с фактами, и факты говорили за себя. В пределах своей державы Селевк и его преемники, македонцы и греки, как и Птолемеи в Египте, ни на одну из частей своей империи положиться не могли и на ней своей власти построить не решались. Власть свою они добыли руками македонских солдат. Не имея за плечами Македонии и Греции, Селевкиды могли, конечно, растворить эту горсть македонцев в иранском, семитическом и анатолийском мире своих подданных, но на этот эксперимент они не решились и не могли решиться. Это значило променять более или менее прочное и личное господство на призрак возможной прочной поддержки их власти Востоком, купленный ценою ориентализации династии, армии и администрации. Проще и вернее было, как и для Птолемеев, опереться на общность интересов династии и армии, династии и господствующей нации завоевателей, т.е. династии и македонцев и греков²⁹. Логическим выводом отсюда было – и этот вывод, вероятно, подсказан был Селевку его опытом и наблюдениями в восточной трети своей империи в первые годы его правления – раз Македония и Греция находятся вне пределов их достижения, создать новую Македонию и Грецию у себя, в тех частях империи, на прочное владение над которыми было больше всего надежды.

С первых же годов существования Селевкидской империи было ясно, что при ниниуемом и непрекращающемся соперничестве с Птолемеями и при невозможности захвата Македонии создать эту новую Македонию и Грецию в западной М[алой] Азии, опираясь на свобододлюбивые города побережья, было неразумно и непрактично. Ясно было, что за эти города и за выход к морю, равно как и за города Сирии, Финикии и Палестины, предстоит долгая и затяжная борьба, которая, как известно, фактически никогда не прекращалась, и что поэтому центр державы, военная и политическая главная квартира царства, должен находиться в области более легко защитимой и менее открытой нападением и в то же время более близкой к восточной части державы. Отсюда политика Селевкидов, проведенная последовательно, хотя и торопливо, с затратой огромных средств и колоссальной энергии – политика македонской и греческой колонизации империи, особенно центральных ее частей. Колонизация была делом рук первых двух Селевкидов – Селевка I и Антиоха I. Им империя обязана тем македонско-эллинистическим ядром, которое обеспечило прочность династии и империи, ее более чем двухсотлетнее существование. Система колонизации не была выработана ими. В лице Александра и Антигона у них были предшественники. Но цели и темп колонизации были новы. О колонизации Александра и Антигона речь была выше. Размах Александра был широк, но его колонии разбросались по всему лицу главным образом восточной части его империи и носили почти исключительно военный и торговый характер; военные и торговые опорные пункты центральной власти, острова эллинизма в восточном мире, разбросанные поодиночке, а не компактными группами. Главным образом военным и коммерческим было и македонско-греческое градостроительство Антигона³⁰.

Совершенно иной характер носила деятельность Селевка I и Антиоха I³¹. Их целью, рядом с укреплением границ и больших торговых путей военными и гражданскими колониями городского характера³², было создание крупных областей, густо покрытых сетью

²⁹ См. *Edson C. Imperium Macedonicum: the Seleucid Empire and the Literary Evidence // Classical Philology. 1958. 53. P. 153–170.*

³⁰ В современной литературе, однако, подобная точка зрения не единственная. Иногда колонизационную политику Антигона считают «моделью» для колонизации Селевкидов. Из новой литературы об Антигоне см. *Briant P. Antigone le Borgne. Les débuts de sa carrière et les problèmes de l'assemblée macédonienne. P., 1973; Billows R.A. Antigonos the One-Eyed and the Creation of the Hellenistic State. Berkeley, 1990.*

³¹ О деятельности этих царей по созданию новых греческих населенных пунктов см. *Коваленко. Ук. соч.*

³² О военных колониях Селевкидов см. *Cohen G.M. The Seleucid Colonies. Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978.*

македонских и греческих городов и деревень, настоящих македонско-греческих провинций. Поселения эти частью были новыми населенными центрами на пустом месте или на месте, где раньше существовал незначительный поселок или деревня, частью пересозданием старых городов и деревень с переименованием их, с изменением их социальной и политической жизни, с введением в состав населения крупной и сильной группы новых поселенцев. Между этими новыми македонско-греческими областями протянуты были по главным дорогам цепи македонско-греческих укрепленных городов, обеспечивающих сообщение и связь между этими областями.

Эти македонско-греческие гнезда городов и деревень протянулись от побережья М[алой] Азии через всю М[алую] Азию, Сирию, Месопотамию и Вавилонию вплоть до Бактрии и Согдианы. Первой группой была группа лидийско-фригийская и карийская в М[алой] Азии, с военными и административными центрами в Сардах и в Келенах (Апамея Киботос)³³. Вторая, еще более сплоченная и сильная, раскинулась от северной части сирийского побережья (к северу от Финикии) по всему течению Оронта и его притоков, по среднему течению Евфрата и по течению Хабира с его притоками³⁴. Это была Сирия, сердце и ядро империи с политической столицей империи Антиохией-на-Оронте³⁵, военной столицей Апамеей³⁶ и торговыми – Селевкийей (в Пиерии) и Лаодикеей. Пока сделана только одна попытка раскопать один из самых незначительных и притом пограничных городов этого ядра (Дура-Европ [sic] на Евфрате)³⁷, наше представление о Селевкидской монархии будет весьма неопределенным и полным пробелов.

Вавилония с Сусианой была последним гнездом греческих городов западной части империи, воротами к восточной и административным и военным ее центром. Ее столицей, политической и экономической, и второй столицей империи считалась Селевкия-на-Тигре³⁸. В какой мере Вавилония и Сусиана были эллинизованы, об этом речь будет ниже³⁹. Но попытка, и попытка успешная, несомненно, была сделана.

Судя по скудным и отрывочным сведениям наших жалких источников, политика колонизации не остановилась на Тигре. Какой, однако, характер носила эта колонизация в восточных сатрапиях, мы не знаем⁴⁰. Было ли исключительной целью Селевкидов поддержать и укрепить, частью воссоздать сеть колоний Александра вдоль больших торговых и военных путей, или рядом с этим они стремились и здесь создать большие эллинские гнезда городов и деревень, определить трудно. Мне лично более вероятно второе. Существование таких гнезд засвидетельствовано в Мидии, в Парфии и Арии, в Персии и, наконец, в Бактрии⁴¹ и, м[ожет] б[ыть], в Согдиане.

Ограничиваюсь здесь этими общими замечаниями о колонизационной политике Се-

³³ О военных и гражданских колониях в Малой Азии см. *idem*. *Hellenistic Settlements in Europe, the Islands and Asia Minor*. Berkeley, 1994.

³⁴ О греческих городах в селевкидской Сирии см. *Grainger J.D.* *The Cities of Seleucid Syria*. Oxf., 1990; *Seyrig H.* *Seleucus I and the Foundation of Hellenistic Syria // The Role of the Phoenicians in the Interaction of Mediterranean Civilization / Ed. W.A. Ward*. Beirut, 1968. P. 53–63.

³⁵ Об истории Антиохии см. *Downey G.L.* *A History of Antioch in Syria*. Princeton, 1961.

³⁶ Об Апамее см. *Balty J.-C.* *Les grandes étapes de l'urbanisme d'Apamée-sur-l'Oronte // Ktema*. 1977. P. 3–16.

³⁷ Ростовцев здесь имеет в виду раскопки Дура-Европос в начале 20-х годов под руководством Ф. Кюмона (*Cumont F.* *Fouilles de Doura-Europos*. Т. I–II. P., 1926). В дальнейшем раскопки в конце 20-х – 30-е годы велись под собственным руководством Ростовцева. Отчеты об этих работах широко известны. Обобщающая работа Ростовцева о Дура-Европос: *Rostovtzeff M.I.* *Dura-Europos and Its Art*. Oxf., 1938. Кроме того см. *Perkins A.* *The Art of Dura-Europos*. Oxf., 1973. Об основных результатах работ франко-сирийской экспедиции в Дура-Европос в последние годы см. *Гаубов В.А., Кошеленко Г.А.* Дура-Европос после М.И. Ростовцева // ВДИ. 1999. № 3. С. 221–232.

³⁸ О Селевкийи-на-Тигре, в которой после написания данной главы проводились значительные по масштабам археологические раскопки, см. *Инварнищи А.* Селевкия-на-Тигре, греческая метрополия в Азии // ВДИ. 1990. № 2. С. 174–185.

³⁹ О судьбе Сузианы в эллинистическое время см. *Новиков С.В.* Юго-Западный Иран в античную эпоху. М., 1990; о Сузах см. *Le Rider G.* *Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville*. P., 1965.

⁴⁰ См. *Кошеленко*. Ук. соч.; *Frey R.N.* *The History of Ancient Iran*. München, 1984. P. 137–176.

⁴¹ Особое значение имели раскопки городища Ай-Ханум (Афганистан) под руководством П. Бернара. Издана серия отчетов, из которых особенно важен: *Bernard P.* *Fouilles d'Ai Khanoum IV. Les monnaies hors trésors, questions d'histoire gréco-bactrienne*. P., 1985.

левкидов. Подробнее об этом будет сказано в общем обзоре составных частей Селевкидской империи, который будет дан ниже.

На македонско-греческое население этих частей империи, на те элементы местного населения, которые слились с македонцами и греками, Селевкиды опирались как на наиболее прочную свою базу и в общем, как и греко-македонское население Египта, эта часть населения империи верно и твердо поддерживала власть Селевкидов.

Политическая история Селевкидов, как она изложена была выше, есть история постепенного сжимания империи к ее центру. Уже Селевк I не владел Вифинией и Понтом в М[алой] Азии и принужден был примириться с захватом Птолемеем как части южной М[алой] Азии, так и т[ак] наз[ываемой] Келесирии и Палестины. При Антиохе I, кроме успехов Птолемея Филадельфа и расширения его власти в М[алой] Азии, серьезный удар западной части империи нанесен был захватом галатами части Малой Азии и отделением от империи Пергама⁴². При Антиохе II началось сужение империи и на востоке. Около 255 г. Бактрия под властью Диодота отделилась от империи (Индия, как известно, была потеряна уже при Селевке I)⁴³, с 249/8 [г.] Парфия считала годы своего самостоятельного существования⁴⁴. В то же приблизительно время сложилось самостоятельное царство Великой Каппадокии. На западе дела обстояли лучше. После головокружительных успехов Птолемея Филадельфа битва при Косе восстановила господство Антиоха II в М[алой] Азии. Но Пергам остался самостоятельным и под лоно Селевкидов не вернулся.

Блестящие победы Птолемея III Эвергета I длительно уменьшили пределы империи не в центре империи, а на западе. За исключением Трояды, Селевкиды потеряли свое влияние на всем западном побережье М[алой] Азии. На короткое время как на западе, так и на востоке старая держава Селевка I и Антиоха I была восстановлена Антиохом III. И он, однако, принужден был считаться с самостоятельностью Пергама, Бактрии и Парфии, как с непреложными фактами. Новая эпоха в истории Селевкидской империи начинается после победы Рима над Антиохом III. Малая Азия для Селевкидов была потеряна навсегда бесповоротно. Прямой доступ сухим путем к греческой цивилизации, к греческим городам М[алой] Азии был прекращен навсегда. Положен был конец и всем надеждам на самостоятельную торговлю в Средиземном море, опиравшуюся на военный флот: сирийские купцы поставлены были в зависимость от добрых услуг Родоса⁴⁵ и все более становившегося римским протекторатом Делоса. Не удивительно, что как Антиох III в последние годы своей жизни, так и особенно Антиох IV и наиболее деятельные и талантливые из его преемников, особенно Деметрий I и Антиох VII Сидет, ставят отныне своей главной задачей укрепить и усилить центр своего царства – Сирию, воссоединенную с Келесирией и Палестиной, Месопотамию и то, что можно было удержать из ближайших иранских местностей.

Задача их была, таким образом, двойная. Сплотить свое царство и отстоять это сплоченное семитически-греческое царство от напора возродившегося Ирана. Первого можно было добиться только одним путем – тем же, по которому шли Селевк I и Антиох I, – расширять и укреплять гнезда эллинизма созданием новых греческих городов и усилением греческого элемента в старых, с тем чтобы все царство приняло один, греческий, отпечаток. Этому делу Антиох IV и его преемники посвятили себя всецело⁴⁶. У них не было никаких оснований думать, что на этом пути они встретят неодолимые препятствия. Опыт прошлого, успех Селевка I и Антиоха I позволяли думать, что внешняя эллинизация и урбанизация новых владений Селевкидов, когда-то птолемеевских провинций Финикии, Келесирии, Палестины и Заиордания, и усиление эллинизации Месопотамии, Вавилонии, Мидии, Сусианы и Персии пройдет так же безболезненно и успешно, как и опыт эллинизации арамейских областей, Месопотамии, Курдистана и Вавилонии и иранских Мидии и Персиды Селевком I и Антиохом I. Не забудем, что в Финикии, Келесирии и

⁴² Из новой литературы о Пергамском царстве и его политике см. *McShane R.B. The Foreign Policy of the Attalids of Pergamum. Urbana, 1964; Hansen E.V. The Attalids of Pergamon. Ithaca – London, 1971; Allen R.E. The Attalid Kingdom: a Constitutional History. Oxf., 1983.*

⁴³ Относительно времени и обстоятельств отпадения Бактрии от Селевкидского царства см. *Vopre- arachchi O. Monnaies gréco-bactriennes et indo-grecques. Catalogue raisonné. P., 1991.*

⁴⁴ Современные дискуссии о времени и обстоятельствах возникновения Парфянского царства см. *Wolski J. L'Empire des Arsacides. Leuven, 1989.*

⁴⁵ Из новой литературы о Родосе см. *Berthold R. Rhodes in the Hellenistic Age. Ithaca, 1984.*

⁴⁶ Наиболее важная из работ последующего времени об Антиохе IV: *Morkholm O. Antiochus IV of Syria. Copenhagen, 1966.*

Заиорданье главная работа градостроительства и эллинизации была уже сделана Птолемеями. Оставалась только Палестина. Но и здесь уже многое было сделано в последние годы владычества Птолемеев усилиями Тобиадов, филэллинов и деловых людей нового чисто эллинистического типа. Опираясь на новые внешне эллинские города, на эллинизованное население их и на рациональную эксплуатацию богатых ресурсов страны. Селевкиды надеялись защитить страну от парфян и удержать хотя бы часть иранских провинций – Мидию, Сусиану и Персию.

В этом они ошиблись. Эллинизация Палестины не удалась, несмотря на героические усилия. Объясняется это не столько отчаянным сопротивлением евреев, сколько тем, что руки преемников Антиоха III были связаны⁴⁷. За ними стоял Рим и его последовательная коварная политика ослабления Селевкидов. Рим не дал Селевкидам ни окончательно сломить сопротивление евреев, ни сплотить Сирию и Месопотамию в одно целое, ни отстоять эллинизм в Месопотамии от нападков иранизма. Не Маккавеи и парфяне победили Селевкидов, а Рим. Риму обязаны своими успехами и евреи, и парфяне при Митридате I и Фраате II. Призрачная самостоятельность Иудеи была началом феодализации Сирии и Месопотамии. Большинство городов и побережья, и внутри страны становятся самостоятельными, во многих появляются мелкие династии местного происхождения. Тот же процесс наблюдается и в номинально парфянской Месопотамии после поражения Антиоха VII Сидета в 129 г. до Р.Хр. В I в. до Р.Хр. Селевкидского царства больше нет, и Риму самому приходится взять на себя задачу спасения сирийского эллинизма от надвигающегося с Востока иранизма и от поднимающегося из недр самой Сирии арамеизма.

II. Организация державы Селевкидов

а. Власть царя

Как и Птолемей Сотер, Селевк I положил основы своей связи с той сатрапией, которая сделалась позднее центром его империи, – Вавилонией, как сатрап сначала после соглашения в Трипарадесе, а затем с 312 года, со времени победы Птолемея Сотера при Газе. Приблизительно с этого времени (этим годом – I диос, октябрь, для греков, I нисан, май или апрель, для вавилонян – начинается и его эра, т[ак] н[азываемая] селевкидская, удержавшаяся на Востоке в течение ряда столетий) его восточные подданные называют его царем задолго до того времени, когда остальные диадохи официально приняли этот титул. Власть Селевка I и его преемников, как и власть Птолемеев, носила двойственный характер. В глазах своей армии, своих друзей и македонских и греческих жителей своей державы, а также в глазах остальных греков власть царя носила личный характер, основанный на его личном превосходстве и личных качествах и на поддержке армии⁴⁸ и «друзей»⁴⁹. Это давало ему право считать себя и своих потомков законными наследниками Александра⁵⁰. Эта точка зрения формулирована совершенно определенно и в (вероятно, апокрифической) речи Селевка I к своим друзьям и войску по поводу романтической свадьбы его сына и назначения его царем Востока и соправителем (Arg. Syg. 61), и в постановлении Илиона в честь Антиоха I (OGI. 219): почести, даваемые городом Антиоху, мотивируются тем, что он гарантировал мир городам и умножил свое царство, – все это «главным образом благодаря своим [sic.] собственному превосходству (ἀρετή), а также благодаря благосклонности к нему его “друзей” и войска»⁵¹.

Вообще в глазах греков царь, его семья, его «друзья» и его войско составляют одно неразделенное целое, носителей власти в империи. Наряду с этим реалистическим, matter of fact, фундаментом власти, всецело покоившейся на преданности «друзей», т.е. офицеров и чиновников царя, и на верности армии, обеспеченных царю постольку, поскольку он сам

⁴⁷ О взаимоотношениях Селевкидов и населения Иудеи см. *Bickerman E. The God of the Maccabees: Studies on the Meaning and Origin of the Maccabean Revolt. Leiden, 1979; Bar Kochva B. Judas Maccabaeus: the Jewish Struggle against Seleucids. Cambr., 1989.*

⁴⁸ О селевкидской армии см. *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. V. 1–2. P., 1949–1950; Bar Kochva B. The Seleucid Army: Organisation and Tactics in the Great Campaigns. Cambr., 1976; Бикерман. Ук. соч. С. 50–99.*

⁴⁹ О царских друзьях см. *Herman G. The Friends of the Early Hellenistic Rulers: Servants or Officials // Talanta. 1980/81. 12/13. P. 103–149.*

⁵⁰ Об этом см. *Goukowsky P. Essai sur les origines du mythe d'Alexandre (336–270 av. J.C.). T. 1–2. P., 1978.*

⁵¹ О характере царской власти Селевкидов см. *Бикерман. Ук. соч. С. 5–24.*

находится на высоте положения и ведет успешно дела царства, работая тем самым для своих друзей и для войска, Селевкиды, как и Птолеми, нуждались, конечно, и в иной, высшей, философской и религиозной санкции их власти, санкции, которая сделала бы их более независимыми от доброй воли своего двора и своих солдат.

Несомненно, как и Птолемам и как Антигону Гонату, философскую санкцию под-сказали им или формулировали для них философы того времени. Отголосок их формул мы слышим, например, в той же речи Селевка I к своему войску, о которой я только что говорил. Объясняя брак между Антиохом I и его собственной мачехой, он говорит: «Не нравы персов и других народов, а общий для всех закон я наложу на вас, закон, по которому справедливо всегда то, что решает царь». Здесь не место разбираться в том, имеем ли мы здесь влияние стоического учения о «царе» в противоположность тирану или учения пифагорейцев о «царе – одушевленном законе» (*νόμος ἑμψυχός*), важно то, что в этой фразе явно дается философское, а не историческое (преемственность власти от персидских царей и персидская традиция) обоснование абсолютистического характера власти царя. Напомню еще в этой связи приверженность Антиоха IV к эпикурейской философии и тот факт, что Александр Балас был горячим адептом стоицизма.

То же стремление к высшей санкции власти в глазах греческого и эллинизованного населения империи, особенно в глазах греческих городов, подчинение которых власти царя было так противно всей традиции и сущности греческого города-государства, сказывается и в постепенном превращении культа покойных царей селевкидской династии и живого царя и царицы в государственное учреждение⁵². Со времени Селевка I и, во всяком случае, со времени Антиоха I (OGI. 250, 251) божественное происхождение Селевка от Аполлона, вероятно, впервые провозглашенное после битвы при Нисе Дидимейским оракулом Аполлона, которому, как и городу Милету, Селевк и Антиох всегда покровительствовали⁵³, было общепризнано и сделалось частью официального протокола. Это божественное происхождение Селевка сделало возможным для греческих городов учреждение по их собственному почину культа царя в обычных уже для того времени формах. Так, Илион (OGI. 212, cf. 219) посвящает Селевку I алтарь на агоре с надписью: Βασιλέως Σελεύκου, постановляет приносить жертвы каждый месяц на этом алтаре и устраивать каждые пять лет агон юношей в месяц, которому дано было имя царя. Такие же приблизительно почести дают ему и афиняне Лемноса. Весьма вероятно, что божеские почести воздавались Селевку I и в многочисленных им основанных городах. После его смерти в Селевкии (Пиерийской) Антиох I сооружает ему храм-мавзолей под его культовым именем (Nikatorion) – как Зевсу Никатору. То же типа почести воздают греческие города и Антиоху I и его преемникам: молитвы, возносимые жрецами (и среди них жрецом Антиоха) Аполлону и другим богам за здоровье царя (Ιλιον, OGI. 219), празднование дня рождения царя, посвящение ему святилища, жертвоприношения и агон (κοινὸν ионян, OGI. 222, ср. Syll.³ 426), присяга «счастьем» (τύχη) царя (засвидетельствована для Селевка II), дарование особого культового прозвища (Сотер для Антиоха I, «Бог» (Θεός) для Антиоха II – App. Syr. 65) и т.д. И для преемников Селевка I вероятно, что города, основанные ими, проявляли особую ревность в организации их культа.

Несомненно, что по крайней мере со времени Антиоха III, а, м[ожет] б[ыть], и раньше не было греческого города в империи Селевкидов, в котором не было бы культа усопших царей и культа живущего царя в той или иной форме. Возможно, что один из Селевкидов (не раньше Антиоха II) внес в этот хаос известный порядок и превратил окончательно культ царей в государственное учреждение с особыми жрецами и особыми регулярно совершавшимися церемониями. Такое впечатление по крайней мере производит распоряжение Антиоха III губернатору Лидии, занесенное в его *ἡριστασιόσι* (OGI. 224, ср. 244), о назначении высокоаристократической дамы верховной жрицей культа Лаодики, жены Антиоха III, во всех храмах сатрапии⁵⁴. В мотивировке своего распоряжения царь упоминает, что архиереи его культа существуют по всему царству. За то же говорят и надписи, датиро-

⁵² См. Бикерман. Ук. соч. С. 221–240.

⁵³ Здесь Ростовцев дает следующую ссылку «OGI 214 and OGI 213 (cf. A. Wilhelm, Neue Beitr. 6, 1921, p. 54 ff.); Milet VII Bes. p. 68 (cf. M. Holleaux REG 36, 1923, p. 1 ff.) and Milet, Erg. d. Ausgr. I, 7 (1924), no. 193. В надписи Аламы определенно указано, что много милетцев было в рядах армии Селевка в битве при Нисе».

⁵⁴ О новых эпиграфических документах относительно царского культа см. Robert L. Inscriptions séleucides de Phrygie et d'Iran // Hellenica. 1949. 7. P. 4–22.

ванные, как в Египте, жрецами царского культа (OGI. 233, Антиохия в Пиерии), и надписи, где в перечислении жрецов дается официальный список царей (покойных и живых) – объектов культа (OGI. 245, 246). Культовое имя, которое имели все Селевкиды, не входило, однако, в состав их официального имени до Антиоха IV Эпифана. Такова была царская власть Селевкидов с точки зрения греков. Какова была формула этой власти для разноплеменного негреческого населения империи, мы не знаем. Властвовали Селевкиды над страной, которой они были чужды, по праву завоевания. Старались ли они, однако, как Птолеми в Египте, принять в глазах местного населения облик их бывших царей и получить признание местных богов и их жрецов, об этом мы ни прямых, ни косвенных сведений не имеем. Во всяком случае религию и культ местных богов они не преследовали и вряд ли настаивали на введении своего греческого культа в восточных храмах. Та или иная форма культа царей и без какого-либо специального давления, несомненно, существовала во всех восточных храмах. Во всех восточных монархиях царь в культе богов играл видную роль, и вряд ли его фигура исчезла из культовой жизни после прекращения законных местных династий. Надо думать также, что в большинстве восточных государств, вошедших в состав державы Селевкидов, власть новых царей была признана жречеством без протеста. Вряд ли первые Селевкиды (до Антиоха III) считали нужным вмешиваться в дела храмов и жрецов. В Вавилоне и Вавилонии вообще, как показывают массы деловых документов этого периода, почти все связанные с жизнью храмов, храмы живут своей старой жизнью со всеми ее особенностями, почитают старых богов в прежних формах и кормят на доходы с верующих жрецов и служек храмов⁵⁵. Возможно, что со времени вытеснения Селевкидов из Малой Азии их политика по отношению к восточным храмам несколько изменилась. Повторно засвидетельствованные случаи «ограбления» восточных храмов Антиохом III и его преемниками я склонен был бы объяснить, как и «ограбления» Иерусалимского храма Антиохом Эпифаном, как попытки позднейших Селевкидов настоять на своем кровном праве собственности над храмовым имуществом, правом, принадлежащим им как «помазанникам божьим», представляющим бога на земле. Вспомним, что так же действовали и Птолеми в Египте. В трудные времена после победы Рима над Антиохом III Селевкиды считали себя вправе мобилизовать для государства богатейшие ресурсы восточных храмов. Свою силу и степень признания их религиозной законности они, однако, переоценили. Антиох III был убит после ограбления храма Бела в Эламе. Антиоху IV не удалось даже добраться до богатейшего храма Нанайи в тех же местах. Известно, какое резкое сопротивление оказала ему правоверная часть населения Иудеи и как ему пришлось – в первый раз в истории Селевкидов – прибегнуть к политике религиозных преследований и, м[ожет] б[ыть], навязывания своего собственного культа в греческих формах для того, чтобы это сопротивление сломить. Политика Антиоха III по отношению к Иерусалимскому храму была, вероятно, традиционной политикой ранних Селевкидов по отношению к восточным храмам вообще: невмешательство в формы религиозной жизни и привилегии жрецам как плата за их лояльность и поддержку.

Нет никакого сомнения, что местное негреческое население империи особого энтузиазма по отношению к Селевкидам не проявляло, пассивное подчинение было высшим, чего могли требовать от него Селевкиды. Поэтому так легко отделяются от империи одна часть за другой, поэтому так быстро идет процесс арамеизации и феодализации даже в центре селевкидской власти – Сирии и Месопотамии, как только развалились центральная власть и имперская армия. Зато македонско-греческое население центральных частей империи, да вероятно и периферии, было вполне лояльно, более того, было глубоко предано династии Селевкидов. Оно чувствовало, что и оно как таковое, его господство, стоит и падает вместе с Селевкидами. Это особенно ясно сказывается в трудные времена II в. до Р. Хр. Чернь столицы и армия не раз вмешиваются в подчас грязные и всегда кровавые династические споры, но в этих вмешательствах и революциях преданность династии, желание поддержать наиболее достойного ее представителя всегда играют главную роль.

б. Двор и центральная администрация. Управление провинциями⁵⁶

Среди этого македоно-греческого населения семья царя, его двор, высшие чиновники, офицеры и солдаты армии и флота играют, конечно, главную, решающую роль в жиз-

⁵⁵ О вавилонских храмах селевкидского времени см. *McEwan G.J.P. Priest and Temple in Hellenistic Babylonia*. Wiesbaden, 1981; *Funck B. Uruk zur Seleukidenzeit*. В., 1984.

⁵⁶ См. *Бикерман*. Ук. соч. С. 32–45.

ни царя. Организация царской семьи, двора и чиновничества Селевкидов вряд ли сильно отличалась от организации тех же групп в царстве Птолемеев и других эллинистических династий. И здесь, несомненно, македонская традиция причудливо смешивалась с традицией восточных монархий. И в царстве Селевкидов жены царей, часто их родные сестры, играют видную роль в жизни и политике. Но на монетах портрет царицы появляется позднее, чем в царстве Птолемеев, не раньше Деметрия Сотера. Наследование и в царстве Селевкидов определяется нормами македонского и греческого гражданского наследственного права. Друзья царя (φίλοι и πρῶτοι φίλοι) составляют его совет (συνέδριον). В нем же принимают участие, вероятно, и другие члены той же группы ближайших людей к царю, носящие титулы «воспитателя царя» (τροφεύς), его «сверстника» (σύντροφος), его «родственника» (συγγενής), его телохранителя (σωματοφύλαξ). Возможно, что в некоторых случаях эти титулы соответствуют действительности, т.е. что «воспитатель царя» Кратер (OGI. 256) был действительно воспитателем Антиоха Кизикенца, но в надписи это имя тесно связано с другими несомненно почетными титулами. Царя окружают «царские полки» (βασιλικὸι παῖδες) и масса челяди, которой заведуют отдельные члены двора с теми же титулами, что и при дворах других эллинистических монархов. И здесь постепенно такие титулы, как «стольник», «кравчий», «спальник» и т.д., делаются часто почетными титулами.

Среди высшего чиновничества наши источники от времени и до времени называют титулы наиболее крупных и влиятельных чиновников: «великого визиря» (ὁ ἐπὶ τῶν πραγμάτων), начальника царской канцелярии (ἐπιστολογράφος), министра финансов (ὁ ἐπὶ τῶν προσόδων), главного интенданта и квартирмейстера военных сил (ἀρχιγραμματεὺς τῶν δυνάμεων), главного врача (ἀρχίατρος). Министр финансов заведовал т[ак] наз[ываемым] βασιλικόν – имя, под которым объединялись и государственная, т.е. царская, казна, и управление имуществом царя, налоговым обложением и, вероятно, также чеканкой монеты. Центром чеканки монеты был главный монетный двор в Антиохии, которым заведовали особые чиновники, монограммы имен которых регулярно появляются на монетах Селевкидов, чеканенных в Антиохии⁵⁷. Как и в царстве Птолемеев, рядом с центральным монетным двором имелись и провинциальные. Крупным постоянно работавшим двором был монетный двор Селевкии-на-Тигре. Тир имел свой обильный чекан имперской монеты. В зависимости от политических и экономических условий чеканилась имперская монета и в других крупных городах, столицах провинций. Вопрос о месте чеканки селевкидских монет, хорошо разработанный для монет Птолемеев, нуждается в ряде тщательных специальных исследований. Особого заведующего имела, конечно, и касса царя, его «сокровище», или его «денежный ящик». Носил этот чиновник, вероятно, титул γαζοφύλαξ или ῥισκοφύλαξ, как и в других эллинистических монархиях.

Несомненно, число крупных чиновников было гораздо более значительно, чем о том говорят наши скудные сведения. Случайное упоминание в одной надписи (OGI. 244, ср. 224) χρηματιστῶς царя, в которые занесено было назначение одного из старых друзей царя старшим жрецом храмов и культов, сосредоточенных около храма Аполлона в Дафнах, показывает, во-первых, что при царе имелась особая канцелярия и архив, где регистрировались все распоряжения царя, и, конечно, у этой канцелярии имелся особый директор (в Александрии – м[ожет] б[ыть], ὑπομνηματογράφος, в Антиохии – ὁ ἐπὶ τῶν χρηματιστῶν?), и, во-вторых, что крупные святилища империи состояли если не в личном ведении царя, то во всяком случае в ведении особого чиновника (ἐπὶ τῶν ἱερῶν?), которому (или начальнику архива?) адресовано письмо царя о назначении дафнийского архиерея. Вряд ли предполагаемый «министр храмов» ведал только греческими храмами. Гораздо более вероятно, что как раз храмы, не связанные с городом, храмы восточного типа, разбросанные по всем частям Селевкидской империи, нуждались в особом контроле. Собственником храмового имущества, согласно восточной традиции, был царь, представитель бога на земле, и вряд ли Селевкиды не настаивали на этой традиции. Несомненно также, что каждый из крупных чиновников имел в своем распоряжении большое количество чиновников и рабов. Организация центрального управления в Римской империи дает об этом некоторое слабое представление. Но обо всем этом мы сведений не имеем. Только систематические раскопки Антиохии могли бы дать нам об этом некоторое представление.

К сожалению, и местное, провинциальное управление Селевкидской монархии нам не-

⁵⁷ См. Newell E.T. The Coinage of the Eastern Seleucid Mints. N.Y., 1978; *idem*. The Coinage of the Western Seleucid Mints. N.Y., 1977.

многим лучше известно, чем управление центральное⁵⁸. Несколько надписей, разбросанных по всему лицу Селевкидской империи, не могут нам заменить тысячи папирусов, найденных в Египте. И здесь только систематические раскопки в городах Селевкидского царства на границе пустыни, где есть надежда найти документы на пергаменах, могут осветить этот мрак.

В противоположность державе Птолемеев мы не имеем в державе Селевкидов того резкого деления на страну, составляющую центр и основу власти царя – Египет и на заморские владения царя – его провинции. Нет здесь и того подчеркнутого разделения между столицей, греческим центром власти царя, Александрией у Египта, и страной (χώρα), с одной стороны, и провинциями, с другой. Различение между Египтом и провинциями было традиционно в истории Египта, выделение Александрии в особое целое – символом того резкого деления между страной и греческими городами, которое создано было Птолемеями. Держава Селевкидов имела другое прошлое и другие традиции – традиции персидских царей, особенно Дария и его преемников, и традиции Александра Великого. Многонациональная и многообластная держава Селевкидов требовала подразделения на отдельные административные округа. Это подразделение было естественным, историческим, а не искусственным, и в общем осталось при Селевкидах тем же, чем оно было при персах и при Александре. Возврат к традиции Кира – к управлению страной как конгломератом господствующей страны и вассальных царств – был невозможен, и нечто подобное такому возвращению мы наблюдаем и в державе Селевкидов, как и в державе персов, только в эпоху ее окончательного и быстрого разложения.

Сведения наши о разделении державы Селевкидов на административные округа и об управлении этими округами чрезвычайно скудны и противоречивы. Историки, даже Полибий, не держатся одной определенной терминологии. Надписей имеется очень мало, особенно для восточных частей империи. Вряд ли, однако, можно предположить, что Селевкиды пользовались родными терминами для обозначения своих административных основных делений. По всей вероятности, эти основные деления носили и при Селевкидах, как и в персидское время и при Александре, имя сатрапий. Аппиан говорит, что этих сатрапий в царстве Селевкидов было 72. Комбинируя указания писателей и надписей, мы, однако, не в состоянии насчитать более чем 25 сатрапий. Предположить, что Аппиан свое число выдумал, невозможно. Трудно также думать, что ошибку надо приписать рукописному преданию Аппиана. Остается одно: рядом с делениями на большие округа-сатрапии существовало и подразделение этих сатрапий на более мелкие округа; в М[алой] Азии – гипархии [ὑπαρχε(αί)]⁵⁹, дважды упоминаемые в надписях, то же деление – в Мидии Атропатене (папирусы из Авромана); в Келесирии, Финикии и Палестине – м[ожет] б[ыть], мериды, которые упоминаются Иосифом Флавием и книгами Маккавеев. Аппиан имел, вероятно, перед глазами полную роспись административных подразделений Селевкидской державы, подсчитал деления и дал им всем имя сатрапий.

Не менее труден вопрос об управлении сатрапиями. Губернаторы сатрапий в наших литературных источниках часто называются сатрапами. Надписи, хотя и знают официальное имя сатрапий и им пользуются, но имени сатрапа губернаторам не дают. Титул губернаторов в надписях всегда – στρατηγός. Пользование титулом сатрапа писателями объясняется, на мой взгляд, частью литературной традицией, частью тем, что титул стратега носили не только губернаторы провинций, но и командиры частей действующей армии, которые не всегда были в то же время губернаторами, и даже военные верховные магистраты греческих городов, которые иногда, особенно при Эпифане, были и начальниками гарнизонов этих городов и, вероятно, не выбирались, а назначались царем. Такие стратеги нам известны для Антиохии и для Вавилона (OGI. 254). При этих условиях понятно, что Птолемей III Эвергет I в своем известном письме (Wilcken, Chrest. n° 1, col. III, 11), перечисляя гражданские и военные власти Селевкидской державы, называет: сатрапов (губернаторов), стратегов (командиров армий) и гегемонов (командиров полков). Надо также принять во внимание, что иногда Селевкиды над комплексом областей назначали особого генерал-губернатора. При Селевке I генерал-губернатором Востока и его соправителем был его сын Антиох I, и вообще генерал-губернаторство Востока для первых Селевкидов было традиционно [выше стр. 312]⁶⁰. Особого титула эти генерал-губернаторы не имели. Таким же генерал-губернатором М[алой] Азии при Антиохе I я считаю Александра, упоми-

⁵⁸ См. Бикерман. Ук. соч. С. 124–190.

⁵⁹ Написано другой рукой на полях рукописи.

⁶⁰ Вставка написана другой рукой.

наемого в Syll.³, 426, 46 слл. и в OGI. 229, 101. М[ожет] б[ыть], таким же генерал-губернатором был и Антигон надписи Мнесимаха из Сард. Естественно поэтому, что, когда Полибий говорит о таком командовании (V, 46, 6. 7), он называет Ксенойта [Ξενοίτας]⁶¹ στρατηγὸς αὐτοκράτωρ, а его подчиненных – стратегов Сусианы и «Красного моря» – эпархами.

Между тем мы знаем, что губернатор Сусианы носил титул стратега (OGI. 147). Думаю поэтому, что сатрапиями управляли военные и гражданские губернаторы-стратеги. Им подчинены были губернаторы подразделений сатрапий, где таковые имели место, гипархи и меридархи, а также командиры гарнизонов и военные губернаторы отдельных греческих городов – эпистаты или фрурахи, иногда бывшие и верховными магистратами города – стратегами. Весьма вероятно, что стратеги сатрапий были и командирами тех войсковых частей, которые набирались в их сатрапии во время войны. Сохраняли ли они это командование и во время военных действий, это, конечно, зависело от доброй воли царя. В их заведовании находилась и военная полиция (φυλακίται). В надписи OGI. 238 эти стражники гипархии, центром которой была Эрiza в Карию или Фригии, вместе с военными поселенцами этой местности ставят почетную надпись некоему Менодору – ὁ ἐπὶ τῶν προσόδων этой местности или всей провинции. Эта случайная надпись, м[ожет] б[ыть], относящаяся к эпохе пергамского владычества, но отражающая административное строение царства Селевкидов, показывает, во-первых, что филакиты, вероятно, набирались из военных поселенцев и были военной, государственной, а не гражданской и городской полицией, и, во-вторых, что их главная роль была содействие высшему финансовому чиновнику гипархии или сатрапии, вероятно, в деле сбора податей и налогов.

Эта же надпись показывает, что финансовое управление сатрапии сосредоточено было в руках особого чиновника. Был ли он подчинен стратегу и гипарху или непосредственно министру финансов в Антиохии, мы не знаем. Судя по некоторым надписям, управление имуществом царя, главным образом его землями в провинциях (об этих землях речь будет ниже при обзоре отдельных частей монархии), находилось в руках экономов и диэкетов⁶². Надпись OGI. 225 (Антиох II) показывает, что эконом не получал приказов непосредственно от царя, а от стратега сатрапий, которому царь дает указания непосредственно. Приказ царя приводит в исполнение, согласно специальному приказу эконома, гипарх. Это показывает, вероятно, что эконом имел в своем заведовании царские земли всей сатрапии, и позволяет думать, что и ὁ ἐπὶ τῶν προσόδων подчинен был не только царю непосредственно, но до известной степени и стратегу сатрапии.

Каждая сатрапия, несомненно, имела свою столицу. Столицей Лидии были Сарды. Возможно, что Сарды в жизни М[алой] Азии играли и более крупную роль, т.е. что они были столицей целого комплекса сатрапий, столицей военной и гражданской. Здесь, вероятно (с отделениями в других крупных городах), находилась царская казна (γαζοφυλάκιον), вероятно, подразделявшаяся (как и в столице, см. ниже) на военную (τὸ κατὰ στρατεῖαν γαζοφυλάκιον) и гражданскую казну (θησαυρός ?). Здесь же имелся и центральный архив (Βασιλικὰ ὑφατά), которым заведовал особый βιβλιοφύλαξ. Такие архивы были разбросаны по всем провинциям Селевкидской монархии и находились как в столице, так и в более мелких городах, там же, где и отделения казначейства. Так, в древнем Уруке мы находим особое государственное χρεοφυλάκιον и особого заведующего им χρεοφύλαξ τῶν Ὀρχῶν. Его печать украшена теми же типами, что и монеты его времени: голова обожествленного царя (царь-Аполлон) или фигура Аполлона, как на монетах, что доказывает, что хреофилак был царским, а не муниципальным чиновником и не частным лицом, как συυραφαφύλαξ в Египте. В несколько более раннее время тот же чиновник засвидетельствовал и для столицы Сусианы (Селевкия-на-Евлее) и, вероятно, для Дуры (Европ) на Евфрате. Существование в Дуре γαζοφύλαξ в эпоху Северов указывает, на мой взгляд, на существование отделения казначейства в Дуре в эпоху Селевкидов. Для Сирии и Палестины упоминаются местные θησαυροί (1 Масс. 3, 28)⁶³. В восточных провинциях, Месопотамии и Мидии, как это видно из надписей Дуры и из папирусов Авромана, общие линии управления удержаны были и в парфянскую эпоху.

Об отношении стратегов к греческим городам, находившимся в пределах их сатрапий, будет речь ниже. Весьма вероятно, что им подчинены были и все храмы их сатрапий и, м[ожет] б[ыть], поэтому, как и птолемеевские губернаторы Кипра, а не как главные жрецы

⁶¹ Написано другой рукой на полях рукописи.

⁶² См. Бикерман. Ук. соч. С. 100–119.

⁶³ В данном месте в действительности упоминается γαζοφυλάκιον.

царского культа, они при Антиохе III и после него имеют и титул архиерея. Этот титул в связи с титулом стратега, правда, засвидетельствован только в одной надписи для Сирии и Финикии (OGI. 230).

О податном обложении Селевкидской монархии мы мало осведомлены. Кое-что известно для Палестины времени Антиоха III и его ближайших преемников, для Вавилонии и Месопотамии и для М[алой] Азии. Так как нет основания думать, что обложение в Селевкидском царстве было одинаковым во всех его частях, и так как весьма вероятно, что оно приспособлено было к экономической структуре и экономическим ресурсам отдельных частей царства Селевкидов и определялось многовековыми традициями (как это было в Египте), то сведения о податном обложении будут разобраны в связи с исследованием экономической и социальной жизни отдельных частей Селевкидской державы. Надо, однако, отметить здесь же, что те сведения, которые мы имеем о податном обложении, сведения, идущие из официальных документов, оставляют впечатление, что не только терминология, но и существо той части податного обложения, которая нам известна, были греческими. При этом несомненно, что плательщиками податей были не только греки, а и местное население, даже главным образом местное население. Греками были и те финансовые чиновники, которые заведуют обложением и сбором податей и налогов. На каком языке писались документы, связанные с обложением: росписи налогов, требовательные ведомости, расписки и т.д., каким языком пользовалось местное население в его официальном общении с греческими чиновниками (заявления, жалобы и т.д.), мы не знаем. Отметим, что и единственное упоминание «царских судей», или «судей в делах царских арендаторов» (для Эолиды в М[алой] Азии), заставляет думать, что и судебные учреждения, поскольку они связаны были с центральным правительством, были греческими. Все это позволяет думать, что, как и в Египте, делопроизводство провинциального управления было греческим не только постольку, поскольку оно касалось греческого населения, но и для населения местного.

Документальные формы деловой жизни частных людей определялись, однако, по всей вероятности, происхождением контрагентов. Не удивительно поэтому, что контракты Дуры написаны на греческом языке и следуют нормам греческого права. Контрагенты были македонцы-колонисты. Понятно и то, что контракты Авромана написаны на греческом языке. Контрагенты, хотя и иранцы по происхождению, были потомками военных колонистов, вероятно, селевкидской эпохи и были, несомненно, в значительной степени эллинизованы. Во всяком случае, жизнь военных колонистов, вероятно, независимо от их происхождения, организована была на греческий лад. Надо отметить, однако, что в парфянской время (в I в. до Р. Хр.) греческие документы сосуществовали с пехлевийскими, что указывает на реиранизацию когда-то эллинизованных колонистов.

С другой стороны, многочисленные документы селевкидской эпохи из Вавилонии, главным образом из Урука, дающие нам ряд свидетельств об экономической жизни вавилонских храмов в это время, написаны на глиняных таблицах клинописным письмом и на вавилонском языке и ничем не отличаются по внешности и содержанию от таких же документов более раннего времени, несмотря на то, что часть контрагентов были или эллинизованными вавилонцами или вавилонизированными греками, как показывают их двойные имена⁶⁴. Надо, однако, думать, что наряду с этими документами имелись дубликаты (?) на пергаменте, как это было обычно для официальных документов в ассирийскую эпоху. Среди свидетелей в документах часто упоминается «писец на коже». Не идентичен ли этот писец на коже вышеупомянутому греческому *χρεοφύλαξ* и не свидетельствует ли это о том, что рядом с документом на вавилонском языке имелась и копия на греческом (или арамейском?), написанная на пергаменте. В Уруке найдено не мало т[ак] наз[ываемых] «булл», т.е. обломанных кусков речной грязи с многочисленными печатями на них: ряд частных печатей и одна или несколько официальных (обычно *χρεοφιλακα*). Весьма вероятно, что эти буллы подвешены были к документам на пергаменте, очевидно написанных [sic.] на греческом языке⁶⁵.

Во всяком случае, греческое право вместе с греческой администрацией проникло с Селевкидами в страны, жившие до этого времени иным правовым укладом. Из среды греческих колонистов, как и в Египте, греческое право проникло и в среду местного населения. Об этом определенно говорит тот факт, что еще в IV в. по Р. Хр. т[ак] наз[ываемый] сирийско-римский правовой кодекс, регистрирующий действующее право Сирии в это

⁶⁴ См. литературу в прим. 55.

⁶⁵ О новых находках булл в Селевкии см. прим. 38.

время, основан не на местном и не на римском, а на греческом праве. Это ярко показало в недавнее время сличение норм кодекса, касающихся наследования *ab intestato*, с нормами эллинистического закона о том же предмете, копии I в. до Р. Хр. одной главы законов (νόμοι) македонской колонии Дура-Европос на Евфрате, законов, данных колонии, вер[оятно], ее основателем Никанором при Селевке I.

с. Армия и флот⁶⁶

Состав и организация селевкидской армии нам очень плохо известны. Писатели говорят нам о величине и составе действующей армии Селевкидов в военное время, некоторые надписи дают представление о составе гарнизонов, из надписей и из пергаментов Дуры и Авромана мы знаем кое-что о т[ак] наз[ываемых] *χάτοιχοι* или *κληροῦχοι*, т.е. о солдатах – держателях участков земли, резерве селевкидской армии.

Действующая армия Селевкидов была не велика, не больше 70.000 в моменты самого высшего напряжения. Объясняется это, конечно, трудностью передвигать и кормить более крупную армию, необходимостью выбирать для армии только солдат, действительно способных и желающих сражаться, необходимостью иметь большую часть армии набранной из элементов, на которые можно было положиться, т.е. из военных поселенцев державы, которых можно было противопоставить наемникам, с одной стороны, контингентам, набранным среди иранских и малоазийских племен гл[авным] обр[азом], с другой, и, наконец, огромными средствами, которые поглощали уплата жалованья и содержание армии.

К сожалению, мы не знаем, как велико было жалованье солдат во время кампании и тех, которые находились на гарнизонной службе. Всадники получали тройное жалованье сравнительно с пехотинцами, наемники, м[ожет] б[ыть], оплачивались выше, чем солдаты из катэков и клерухов и солдаты, набранные среди негреческого населения империи. Так как конкуренция при наборе солдат была велика, и даже военные поселенцы легко могли перейти на службу соперников Селевкидов, так как количество опытных офицеров было ограничено, и хороший офицер стоил дорого и с определенной страной связан не был, то естественно, что Селевкиды часто не в силах были платить своей мобилизованной армии и принуждены были прибегать или к помощи «друзей», или к мобилизации средств храмов. Характерно краткое описание частичной мобилизации в I Масс. 3, 27. При этой мобилизации первое, что делает Антиох IV, это открывает свое *γαζοφυλάκιον*, уплачивает из него годовое жалованье (*δψώνιον*) солдатам, чтобы иметь их «под ружьем». Так как в податных кассах (*θησαυροί*) денег не хватало и налоги поступали туго, то Эпифан (это, конечно, не соответствует действительности) решил на экспедицию в Персию.

Развитая техника военного дела требовала больших затрат на военные базы, арсеналы, парки, конский ремонт и конские заводы, на военные колесницы, на содержание и уход за слонами, не говоря уже о затратах на постройку и содержание морских баз. Главной сухопутной военной базой Селевкидов была Апамея, поблизости от столицы царства Антиохии и недалеко от больших лесов, богатых строевым лесом. Железо и медь доставляли, вероятно, рудники черноморского побережья. Вряд ли Апамея была единственной военной базой Селевкидов. При огромных размерах империи необходим был ряд таких баз. В М[алой] Азии такой базой были, вероятно, Сарды. Главным центром для ремонта кавалерии была Мидия, и этим объясняются усилия Селевкидов удержать во что бы то ни стало эту провинцию и эллинизировать ее, насколько это было возможно.

Армия Селевкидов состояла из кавалерии и пехоты. Кавалерия, как и в царстве Птолемея и в других эллинистических монархиях, была привилегированным родом оружия. Одно письмо Антиоха III адресовано «стратегам, гипархам, гегемонам пехоты, солдатам и остальным» (т.е. гражданское население?) (OGI. 217). В мирное время небольшое, вероятно, количество солдат на действующей службе распределялось между столицей, где стояла царская гвардия, военными базами и главнейшими опорными пунктами Селевкидов в провинциях, где находились постоянные гарнизоны. Я уже говорил о военной полиции Селевкидов. Мобилизованная армия во время войны распадалась на две части: на регулярную кавалерию и пехоту и на вспомогательные части и отряды специальных родов оружия. Регулярная армия номинально состояла из македонцев и набиралась из македонского и греческого населения империи, главным образом из населения военных колоний городского и негородского типа. В македонской кавалерии упоминаются как ее составные части:

⁶⁶ См. литературу в прим. 22.

дружина (ἑταῖροι), «царский полк» (βασιλικὴ ἴλη) и т[ак] наз[ываемая] δῦμμα. Провести разграничение между этими тремя группами невозможно. Кажется, что в регулярной кавалерии, часть которой была гвардией царя, имелось большое количество иранцев, вероятно, набравшихся из иранских военных поселенцев (см. ниже). Специальным кавалерийским полком были закованные в панцири (всадник и лошадь) катафракты (χατάφρακτοι), вероятно иранцы. Называют еще отряды кавалерии тарентинцев (происхождение или род оружия?), скифов, дагов и ародов на их драмадерах. Я уже упоминал отряды слонов и старое наследие Востока – колесницы с мечами.

В пехоте главную роль играла македонская фаланга и гипасписты (гвардия царя?). Легкая пехота состояла из наемников-греков, критян и малоазийцев (памфилийцы, псидяне, карийцы, киликийцы, мисийцы, киприоты, фракийцы, иллирийцы, галлы [sic.]). Отрядами особого назначения были пращники (фракийцы и курды), лучники (мисийцы, элимеяцы, мидяне, персы) и метатели дротиков (лидийцы). Перечисление это, конечно, далеко не полно.

Крупную роль в этой войне играли наемные греки и малоазийцы. Одной из целей римлян после битвы при Магнесии было прекратить этим наемникам доступ в армию Селевкидов. Неудивительно, что одной из статей мирного договора было запрещение Селевкидам вербовки солдат в сфере римского влияния. Конечно, остановить приток наемников в селевкидскую армию римляне были не в силах. Но регулярную вербовочную деятельность Селевкидов вне пределов их царства они пресекали.

Основу армии, однако, составляли со времени Селевка I и Антиоха I македонцы и греки, поселившиеся в больших массах в пределах Селевкидского царства: в М[алой] Азии, в Сирии, в Месопотамии и Вавилонии, в Мидии, Персии и Элимаиде. К сожалению, мы не можем определить численность этих новых поселенцев, но тот факт, что македонская фаланга в битве при Рафии насчитывала 20.000 человек, в битве при Магнесии – 16.000, на счету в Дафнах опять 20.000 человек, что к этому надо прибавить македонскую кавалерию, гарнизоны городов и военную полицию, набравшиеся [sic.] из того македоно-греческого населения державы, показывает, как значительно было то население державы, которое официально считалось македонцами и греками. Правда, несомненно, в состав этого населения быстро вошли и местные элементы, правда, на Востоке, как показывают пергаменты из Авромана, многие иранцы сделались также военными поселенцами, правда, со времени Антиоха III военные колонисты иногда набираются из местного населения (евреи), тем не менее, количество македонцев и греков в Селевкидской империи было, вероятно, очень велико.

Надо думать, что военной службой обязаны были не только те солдаты (и их дети?), которые получали землю от царей, находясь на действительной службе, но и греческое и македонское население городов. Каковы в точности были обязательства и тех, и других по отношению к государству, мы, к сожалению, не знаем.

Некоторые сведения об организации военных поселенцев, т[ак] наз[ываемых] χάτοιχοι, мы можем почерпнуть из некоторых надписей М[алой] Азии (знаменитая симполития Смирны и Магнесии на Сипиле – OGI. 229; надпись из Тиатире – OGI. 211 и известная надпись Мнесимаха из Сард)⁶⁷. Из этих документов мы можем заключить, что не все македонцы, жившие в том или другом месте, были солдатами и офицерами и были на учете как таковые. Надпись из Тиатире выделяет из числа македонцев этого города «солдат и офицеров». Остальные, очевидно, в списках военных не значились. Действительная служба, вероятно, продолжалась определенное время. Все военные поселенцы (χάτοιχοι) на действительной службе значатся в списках (χάταλοχισμοί), которые ведутся особыми чиновниками – ὑραγματεῖς τῶν ταγματῶν. Отдельные группы их приписаны к отдельным хилярихам. Живут χάτοιχοι или в городах (напр[имер], Магнесия, Тиатира и т.д., см. след[ующую] главу⁶⁸), или в деревнях (χάτοιχίαι), или в ὑπαίθρα. Значение этого последнего термина для нас неясно: военный постоянный лагерь? Все они получают из βασιλικῆν землю – κλήρος. Кλήροι имеют двух размеров – всаднический и пехотный. Отдельные χάτοιχοι могут быть держателями более чем одного κλήρος. Получали ли они этот κλήρος даром или за плату, мы не знаем. Второе более вероятно. Свобода от поземельного налога, от уплаты десятой части урожая не есть правило, а исключение. Как показывают пергаменты из Дуры, κλήρος передается по наследству, может попасть и в руки женщин и

⁶⁷ О новых документах см. *Billows. Kings and Colonists*. P. 146–182.

⁶⁸ Ростовцев имеет в виду следующий ниже раздел о частях державы Селевкидов.

может быть продан. Права наследования, однако, ограничены: если не имеется наследников, предусмотренных в законе, то имущество переходит к царю. Возможно, что то же имело место и в случае неисполнения держателем известных условий: уплата налогов, не-обработка земли, неисполнение воинской повинности. Это последнее, однако, только предположение, в источнике не засвидетельствованное. В таком случае, теоретически земля оставалась собственностью царя.

Часть $\chi\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$ и в мирное время не работает на своих $\chi\lambda\eta\rho\omicron\iota$, а несет военные обязанности. Между тем как $\chi\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$, приписанные к Магнесии и живущие частью вне города, частью, $\mu[\text{ожет}] \beta[\text{ыть}]$, в лагере вне города (для военной тренировки? $\chi\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$ известного возраста?), не несут никаких обязанностей и не получают жалованья, то солдаты (часть их набрана из $\chi\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$ Магнесии), которые живут в Палемагнесии, несут гарнизонную службу и поэтому получают жалованье и провиант ($\epsilon\kappa \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\eta\upsilon$). При их переводе в Палемагнесию они получили двойной $\chi\lambda\eta\rho\omicron\varsigma$ в добавление к прежнему в территории этого $\chi\eta\rho\omicron\nu$.

Наряду с ними имеются, однако, в упомянутой крепости и солдаты, не имеющие $\chi\lambda\eta\rho\omicron\varsigma$. Этим солдатам $\chi\lambda\eta\rho\omicron\varsigma$ дается при переходе их в смирнское гражданство в размере всаднического участка. Как и $\chi\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$ Магнесии, все они свободны от уплаты налогов. Большая часть этих гарнизонных солдат – отряд Тимона – пехотинцы из фаланги. Кроме того, имеются персы под начальством Омана, вероятно, отряд кавалерии.

Из этих разбросанных сведений ясно, каких огромных затрат требовало создание каждого военного поселения. Как показывают сведения о новом основании Лисимахии и о выводе иудейской колонии в М[алу] Азию Антиохом III, при поселении новых поселенцев им не только приходилось отводить землю, давать $\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\mu\omicron\iota$, т.е. дома для жительства, но и помогать им в приобретении инвентаря и гарантировать им известные льготы по части уплаты налогов, по крайней мере, на первое время. Надпись Мнесимаха из Сард и надпись времени Антиоха II, говорящая о продаже земли Лаодике, позволяет нам составить себе представление, из каких средств Селевкиды оплачивали свои огромные затраты на содержание постоянного войска и на военные поселения. Известно свидетельство Плутарха о том, как Евмен, секретарь Александра, добывал деньги для уплаты жалованья своему войску продажей своим офицерам земли, принадлежавшей персидским баронам. Широкая распродажа земли Селевкидами (см. ниже; вероятно и за жалованные земли – $\epsilon\nu \delta\omega\rho\epsilon\acute{\iota}$ – получавшие ее [sic.] платили) городам, членам своей семьи, офицерам своей армии объясняется в значительной степени той же нуждой в золоте для уплаты жалованья солдатам, что и поведение Евмена. Недаром же плата Лаодике поступает $\epsilon\iota\varsigma \tau\acute{o} \chi\alpha\tau\acute{\alpha} \sigma\tau\rho\alpha\tau\acute{\epsilon}\iota\alpha\nu \gamma\alpha\zeta\omicron\phi\upsilon\lambda\acute{\alpha}\chi\iota\omicron\nu$. В надписи Мнесимаха, которую я считаю селевкидской, а не пергамской, доходы (в золоте) с тех земель, которые розданы (или проданы) офицерам армии, поступают не в местное казначейство, а $\epsilon\iota\varsigma \tau\eta\nu \tau\omicron\upsilon \delta\epsilon\iota\nu\alpha \chi\iota\lambda\iota\alpha\rho\chi\iota\alpha\nu$. Я думаю, что $\chi\iota\lambda\iota\alpha\rho\chi\iota\alpha$ здесь – не часть действующей армии (и, конечно, не деление сатрапии), а известная группа военных поселенцев, входящая в ту или другую хилярхию, как в мирное, так и в военное время. Деньги шли частью на нужды $\chi\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$ (напр[мер], деньги на сирот – $\delta\omicron\rho\phi\alpha\iota\chi\acute{\alpha}$, пансионсы разного рода), частью на уплату жалованья тем $\chi\acute{\alpha}\tau\omicron\iota\chi\omicron\iota$ хилярхии, которые несли действительную службу в гарнизонах или в полиции. Доходы – постоянные и единовременные – с этих продаж и сдач в бессрочную аренду, конечно, были чрезвычайно велики. Речь об этих землях, однако, будет в следующей главе⁶⁹.

Еще скуднее наши сведения о селевкидском флоте. Флот этот решающей роли в жизни державы не имел и особых лавров не приобрел. Но он действовал сухопутной армии, охранял военные транспорты с наемными солдатами и был крупным фактором в политической жизни того времени. Антиох III выставил во время войны с Римом такую внушительную морскую силу, что римляне сочли нужным включить в договор клаузулу об ограничении сферы действия флота Селевкидов азиатскими водами. Особую эскадру содержали Селевкиды и на Персидском заливе.

О снаряжении флота и о его содержании мы почти не осведомлены. Возможно, что система триерархии существовала и в Селевкидской державе, т.е. что корабли сооружали, снаряжали и содержали известные группы лиц. Во 2 Масс. 4, 19 имеется любопытное сведение о том, что при Эпифане посольство Иерусалима просит употребить препровождаемые деньги не на жертвы Гераклу, а на сооружение триер. Возможно, что общее командование морскими базами и военным флотом находилось в руках $\delta\ \acute{\epsilon}\pi\iota \tau\acute{\omega} \mu\alpha\iota\sigma\tau\acute{\alpha}\theta\mu\omega$. По

⁶⁹ Имеется в виду следующий ниже раздел главы Ростовцева.

крайней мере, Афиней, при Антиохе I носитель этого титула, не только является держателем крупных земель, пожалованных ему царем (OGI. 221, 54), но и играет видную роль в защите греческих городов М[алой] Азии от галатов (Syll.³, 410 – около 274 г. до Р. Хр.). Отдельными эскадрами командовали навархи.

d. Экономическая политика Селевкидов

Наши скудные сведения о державе Селевкидов, о политике царей и о их деятельности на пользу своей державы не дают нам возможности составить себе более или менее точное представление о направлении и целях их экономической политики. Одной из главных статей их доходов, о которой мы, к сожалению, почти ничего не знаем, был, несомненно, доход, который они получали от обложения торговли. Большие торговые пути древнего мира, связывающие Центральную Азию, Индию и Аравию со Средиземноморьем, как морские, так и сухопутные, проходили через державу Селевкидов. Птолемеям стоило больших усилий отвлечь часть торговли с Аравией и Индией от путей, контроль над которыми принадлежал Селевкидам, на пути, находившиеся под их контролем, т.е. к западным портам Египта, с одной стороны, и к портам Палестины, Финикии и Келесирии, с другой. Потеря Птолемеями контроля над Палестиной, Финикией и Сирией при Антиохе III была, несомненно, огромным ударом для Птолемеев и заставила их обратить особое внимание на развитие морской торговли Египта с Индией и Аравией. Для Селевкидов же объединение всего сиро-палестинского побережья в их руках было, несомненно, крупной компенсацией за потерю М[алой] Азии и ее портов, бывшей результатом войны Антиоха III с Римом. Контроль над сиро-палестинским побережьем, несомненно, продлил существование Селевкидовской [sic.] монархии.

Усилия Селевкидов в первый период существования их державы, т.е. до конца правления Антиоха III, направлены были, главным образом, на удержание в своих руках и под своим контролем морского торгового пути из Индии по Персидскому заливу к устью Тигра и Евфрата, с одной стороны⁷⁰, и тех сухопутных путей, которые из Китая, Центральной Азии и Индии шли через Иранское плато к Тигру и Евфрату. Старые торговые пути, упроченные и урегулированные персами и унаследованные от них Александром, разбросавшим по этим путям главнейшие из своих колоний, не были заброшены и Селевкидами. Сношения с Индией при Селевке I и Антиохе I, несмотря на потерю политического контроля над Индией, были постоянны и оживленны⁷¹. Об этом свидетельствует деятельность Мегасфена и Даимаха, их посольства в Индию ко двору Сандрагупты и Амитрохаты⁷², особенно же экспедиция Патрокла, ближайшего сотрудника первых Селевкидов, исследовавшего торговый путь, шедший от Каспийского моря по Кавказу и Черному морю, и собравшему [sic.] в своей книге весьма ценные сведения как о побережье Каспийского моря, так и об Индии, сведения, которыми широко пользовался Эратосфен. Еще дальше проник Демодам Милетец, «полководец Селевка и Антиоха, перешедший Яксарт и водрузивший алтарь Дидимейскому Аполлону на той стороне реки» (Plin. [HN] VI, 49).

Огромные усилия были затрачены Селевкидами, особенно Антиохом I, при жизни Селевка и после смерти его, как на возможно более интенсивную эллинизацию Мидии, Парфии и Арии, так и на восстановление и поддержание крупнейших оснований Александра на дальневосточных торговых путях: Александрии Ариане [sic.] (Герат), Антиохии Маргиане [sic.] (Мерв), Александрии в Арахозии (Кандагар) и Александрии на Этимандре (Гильменд). Немало городов создано и поддержано было ими и в Северо-Восточном Иране; упоминаются Антиохия в Скифии и Александрия на Яксарте.

Усилия Селевкидов, направленные на поддержание постоянной связи с Дальним Востоком, не пропали даром. Даже отделение Бактрии и затем Парфии не прервало связи Дальнего Востока с царством Селевкидов. Об этом свидетельствует как недавняя находка сирийских шерстяных материй в Монголии, так и вероятность прямого влияния эллинистического искусства на развитие искусства в Китае в эпоху династии Хань. Ввоз греческих продуктов в ближайшие иранские части державы был оживленным и при персах;

⁷⁰ См. Potts D.T. The Arabian Gulf in Antiquity. V. II. Oxf., 1990; Salles J.-T. The Arab-Persian Gulf under the Seleucids // Hellenism in the East: the Interaction of Greek and Non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander / Ed. A. Kuhrt, S. Sherwin-White. L., 1987.

⁷¹ См. Karttunen K. India in Early Greek Literature. Helsinki, 1989.

⁷² Амитрохат (Амитрохад) отождествляется с Биндусарой, см. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М., 1985. С. 210.

при Селевкидах, как показывает находка в Сурах ручек родосских амфор, он был регулируем.

Как морская торговая дорога из Индии, так и главнейшие сухопутные пути оттуда же и из Центральной Азии, сходились с незапамятных времен в Вавилонии, в устьях Тигра и Евфрата. Здесь Селевк I основал вторую столицу своего царства – Селевкию-на-Тигре, положение которой было более удобно и более благоприятно для сосредоточения в этом городе азиатской торговли царства, чем даже положение Вавилона. Но как главная столица царства Селевкия не годилась: она была слишком далека от Греции и от Средиземного моря, от сношений с которыми зависели и экономическое, и военное процветание империи. Главная столица царства была поэтому перенесена в Антиохию-на-Оронте, портом которой была Селевкия в Пиерии. Со времени основания Антиохии главной заботой Селевкидов сделалось связать удобными и безопасными дорогами свою [sic.] западную и восточную столицы, сделать этот путь более привлекательным и более дешевым, чем путь через пустыню к портам Палестины и Финикии. Две главные дороги были созданы Селевкидами для соединения Антиохии с большими месопотамскими дорогами персидских царей: одна – из Антиохии к Зевгме (на Евфрате), оттуда – через мост в Эдессу и Низибис на соединение с персидской дорогой, ведущей в иранские сатрапии, другая – через ту же Зевгму поперек месопотамской равнины через Анфемусиас и Ихны – в Никифорий и оттуда по большой персидской дороге – в Вавилон и Селевкию.

Так как Селевкия в Пиерии все-таки никогда не привлекала к себе большой торговли и главными выходами восточной торговли все-таки оставались большие порты М[алой] Азии, так как кроме того путь через М[алую] Азию был главным путем из царства Селевкидов в греческий мир и к Эгейскому морю (морской путь из северосирийских портов всегда мог быть блокирован Птолемеями), то не меньшее, если не большее, внимание первые Селевкиды отдавали большим персидским торговым дорогам М[алой] Азии, развивая и улучшая дорожную связь этой страны и укрепляя важнейшие этапы и скрещения македонскими колониями.

Положение значительно изменилось в позднейший период Селевкидского царства, во II в. до Р. Хр. Связь с Востоком, несмотря на продвижение парфян, не прекратилась: находки в Монголии принадлежат I в. до Р. Хр., но предпочтение северным дорогам перед южными не имело более *raison d'être*. Поэтому путь из Селевкии через пустыню к портам Палестины вновь оживился, особенно когда дорога вдоль Евфрата, о которой была речь выше, закрыта была для большой торговли разбойничьим поведением арабских шейхов, захвативших в эпоху политической анархии второй половины II и начала I в. до Р. Хр. важнейшие пункты в месопотамской равнине. Ввиду этого и ввиду постоянных перерывов в сношениях с Парфией, во время войн морской путь через Персидский залив из Индии и соответственный путь через пустыню к портам Палестины начали играть более важную роль, чем в III и в начале II в. до Р. Хр. Новым явлением было и то, что арабская торговля, уже и раньше направлявшаяся частью через державу Селевкидов (см., напр[имер], значительное количество арабских пахучих эссенций, которые Селевк I и Антиох I дарят храму Аполлона в Дидимах, – OGI. 214), теперь окончательно ушла из рук Птолемеев и шла теперь через Петру либо в Газу, либо через Дамаск к – теперь селевкидским – портам Финикии. Наконец, как было сказано выше, закрытие М[алой] Азии для Селевкидов и оживление торговой жизни Палестины и Финикии поставило эти порты в прямую связь (минуя Александрию) с греческим миром. Этим объясняется оживление сношений Селевкидов с Делосом, Родосом и городами Греции и появление в больших массах финикийских и сирийских торговцев как на Делосе, так и в италийском Делосе – Путеолах.

Как организовано было содержание дорог, безопасность сообщения по ним и обложение торговли в Селевкидском царстве, нам очень плохо известно. Дороги, как кажется, были, по крайней мере в М[алой] Азии, частью имперскими (*βασιλικαὶ ὁδοί*), частью городскими. Содержание их в Пергамском царстве было обязанностью землевладельцев, через земли которых дорога проходила. Возможно, что это правило пергамские цари унаследовали от Селевкидов, а те – от персов. От персов же Селевкиды унаследовали и организацию почтового сообщения по царским дорогам (*ἀγγαρεία*) [sic.]. Много ли сделали Селевкиды для подъема земледелия и промышленности, нам не известно. Случайное свидетельство говорит об акклиматизации ими амома и нарда в пределах империи. Несомненно, что поселение значительных масс греческих и македонских колонистов во всех частях державы не могло не повлиять на внесение греческих методов сельского хозяйства и на увеличение обрабатываемой площади. Несомненно также, что появление греческих ремесленников и промышленников в торговых и промышленных городах царства повлекло за собою

значительную эллинизацию продуктов промышленности, вывоз которых шел главным образом туда, где греческий вкус и греческие навыки царили безраздельно.

Отмечу еще широкий размах чеканки монет в Селевкидском царстве. В противоположность Птолемям, чеканившим свою монету сначала по родосскому, а затем по милетскому, т.е. финикийскому, standard, Селевкиды приняли и удержали почти до конца своего владычества аттический standard. Этот же standard приняли и другие царства Малой Азии и Дальнего Востока. На мировом рынке селевкидская монета успешно конкурировала с птолемеевской, но ни та, ни другая не сделались мировой, и не вытеснили из обращения монеты греческих городов и более мелких эллинистических царств⁷³.

SYRIA AND THE EAST

(Russian Version of the Chapter for the «Cambridge Ancient History»)

M.I. Rostovtzeff

This is a publication of the first part of the chapter «Syria and the East» written by M.I. Rostovtzeff for the first edition of Cambridge Ancient History, Vol. 7. The original Russian text is in some respects different from the edited English one and reflects the author's original idea in a clearer way.

In the preface the publishers describe the circumstances of this work's appearance paying attention to the fact that the Hellenistic East had never been special subject of Rostovtzeff's study before this paper, while his chapter on Ptolemaic Egypt in the same volume was a result of his thorough and long research in the history of Hellenistic and Roman Egypt.

This chapter, as the publishers indicate, could be considered as a preliminary study for Rostovtzeff's major work «Social and Economic History of the Hellenistic World», in which the problems of the history of Seleucids' state are discussed in detail. The publishers' preface gives a brief outline of the historiography of the question for the moment when Rostovtzeff was working on the chapter and points out the new ideas he proposed for the understanding of the problems of Seleucids' state and Hellenistic East in general.

The notes refer to the modern literature on the problems in which Rostovtzeff was interested.

---

⁷³ Конец второго раздела главы.